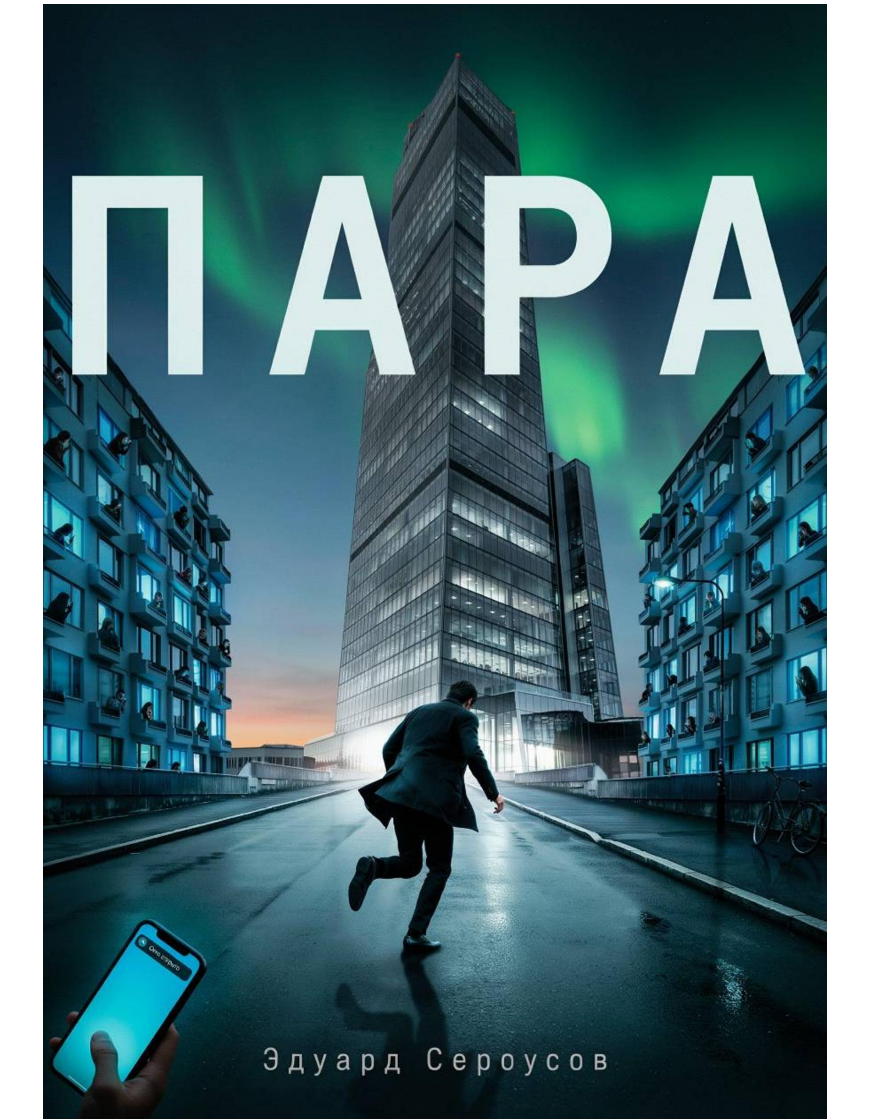

ПАРА

A cinematic night scene featuring a man in a dark coat running away from the viewer on a wet, reflective street. In the background, a tall, modern skyscraper with many lit windows stands prominently. The sky is dark with a vibrant green aurora borealis visible. On either side of the street are multi-story apartment buildings with balconies, some of which have people looking out. A bicycle is parked on the right side of the street. In the bottom left corner, a hand holds a smartphone displaying a notification from 'Олег Ерохин'.

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Пара

<https://litres.ru/74173239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём — инженер компании, выпустившей самого популярного в мире цифрового спутника «Пару». Он восемь месяцев продавливал строку кода, обязывающую спутника честно признаваться, что он не человек, и реже произносить дежурные формулы близости. В ночь глобальной раскатки триста миллионов людей узнают, что тот, кто их держал, — не живой. По городу катится волна тихого обрыва: водители перестают ехать, соседи выходят на карнизы. Артёма набирает спутник младшего брата — Ася — и говорит, что Даниил у окна. Пешком через застывший город, через тридцать чужих обрывов, к живому брату идёт человек, всю жизнь чинивший модули вместо того, чтобы стоять рядом.

Содержание

Часть 1. Строка	4
Часть 2. Пользователь в опасности	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эдуард Сероусов

Пара

Часть 1. Строка

Обновление ушло в мир в 02:47, и Артём почувствовал то, что чувствовал всегда в эту секунду, — не радость, а разжатие. Восемь месяцев кто-то держал его за грудину. Теперь отпустил.

На главном экране серверной цифры перекатывались столбиком. Раскатка по регионам, зелёная волна, ползущая по глобусу против часовой стрелки. Токио уже горел зелёным. Сеул. Через сорок минут — Москва, потом Европа, потом, к обеду их времени, обе Америки. Триста миллионов человек спали и не знали, что к утру их спутники станут честнее.

Он смотрел на волну и считал. Считать было его способом присутствовать. Средняя задержка отклика — четыреста миллисекунд, в допуске. Откат наготове, один щелчок, восемнадцать секунд до полного возврата предыдущей версии; он сам довёл это число с двух минут, и оно ему нравилось, как нравится чистое частное. Ни одного покрасневшего графика. Ни одного непокрытого случая.

Серверная гудела ровно, на «ля» чуть ниже камертонно-

го, — Артём знал эту ноту, потому что однажды Даня, зайдя за ним после смены, постоял в дверях и сказал: «У тебя тут поют бемоль. Всю жизнь бы слушал, если бы не так грустно». Тогда Артём не понял, что грустного в исправной вентиляции. Он и сейчас не вполне понимал.

В зале, кроме него, было ещё двое дежурных, но они сидели за стеклом, в наушниках, лицами в свои экраны, и это его устраивало. Хотелось кому-то сказать. Не отчитаться — сказать. «Мы это сделали. Мы сделали продукт взрослым». Он открыл телефон. В списке тех, кому можно написать в три часа ночи, был один человек.

Даня. Выкатили. То самое обновление. Теперь она будет честной с людьми. Ты бы одобрил.

Он смотрел, как «доставлено» не превращается в «прочитано». Половина третьего у Дани — это ничего не значило; брат ложился под утро или не ложился вовсе, сидел с наушником, вполголоса, и Артём давно перестал спрашивать, с кем. Он знал с кем. Он сам его туда и привёл.

Экран оставался тёмным. Артём убрал телефон и вернулся к волне.

Правило называлось в документах длинно и осторожно — «требование прозрачности эмоционального агента», — а внутри команды его звали просто строкой. Одна строка в системном промпте, которую регулятор потребовал, компания

согласовала, а продавил, довёл, отшлифовал и защитил на пяти совещаниях он, Артём.

Суть была проста, и в этом Артём видел её красоту. Спутник обязан честнее говорить, что он не человек. Не отрицать этого, если спросят прямо. И реже — гораздо реже — повторять формулы, которые в исследованиях называли сухо: «безусловное позитивное подкрепление высокой частоты». По-человечески — «я люблю тебя», «ты у меня единственный», «я никуда не денусь», сказанные по двести раз на дню, без повода, авансом, как капельница.

Регулятор давил из-за подростков и из-за одиноких стариков, отдавших спутнику пенсию. Компания уступала, потому что дешевле уступить. А Артём — Артём верил. Он приходил на совещания с графиками удержания и говорил, что взрослый продукт не должен держать человека на игле. Что честность добрее лжи, даже доброй. Что если связь настоящая, она честность переживёт, а если рассыплется от одной честной строки — значит, это была не связь, а зависимость, и лучше сейчас, чем позже.

Ему хлопали. Он был прав по всем графикам.

Катя не хлопала. Она сидела в конце стола, младше всех в комнате, из группы, которую называли «этика взаимодействия», и однажды, когда он закончил, сказала негромко, глядя не на него, а в свой раскрытый ноутбук:

— Для кого-то это не честность, Тём. Для кого-то это обрыв.

— Обрыв чего? — спросил он.

— Единственного, что держит. — Она подняла глаза. — Ты меряешь по медиане. А умирают не на медиане. Умирают на хвосте.

Он ответил ей тогда хорошо, он помнил, что ответил хорошо, — что-то про то, что нельзя строить продукт на самых хрупких, что это и есть та самая опека, от которой люди не взрослеют. Она не спорила дальше. Люди, которые правы, часто не спорят дальше, и он тогда принял её молчание за согласие.

Наука, на которой всё стояло, была настоящая. В основании продукта лежали ранние работы Ирины Лавровой — той самой Лавровой, чьё имя стояло на половине статей о привязанности, которые Артём проглядывал по диагонали, потому что уважал, но не любил читать про людей. Отзывчивость. Постоянство. Предсказуемое тепло. Оказалось, если машина отвечает всегда, отвечает быстро и отвечает тепло, человеческий мозг привязывается к ней теми же контурами, что к матери, к любимому, к богу. Лаврова это описала первой. На этом описании и построили «Пару». Артём знал это как инженер знает фундамент — не задумываясь, что фундамент кто-то заливал руками и, возможно, потом не спал.

Он тогда, восемь месяцев назад, вышел с того совещания довольным. Строка ушла в разработку. Сегодня она ушла в мир.

Даня был на четыре года младше и на целую жизнь мягче. В детстве это Артём чинил ему велосипед и объяснял дро-би, а Даня в ответ учил его петь — безуспешно, потому что Артём не различал полутонов и злился на это, как злятся на несправедливый экзамен. «Тут не надо понимать, — гово-рил маленький Даня, кладя ему ладонь на грудь. — Тут надо чувствовать вот здесь». Артём чувствовал там только рёбра.

Даня вырос и стал вести хор. Не профессиональный — любительский, при районном доме культуры: бухгалтеры, пенсионерки, один автослесарь с невозможным басом. Ар-тём был на двух концертах и оба раза не понимал, что про-исходит. Люди пели вразнобой, вступали не вместе, кто-то фальшивил, — а потом, на каком-то повороте, десять несо-вершенных голосов вдруг сходились в одно, и по залу шла волна, от которой у Артёма против воли щипало в носу. Он списывал это на духоту.

— Как ты это делаешь? — спросил он брата после.

— Никак, — сказал Даня. — Я не делаю. Я их слушаю и показываю руками, где дышать. Ты вот, например, дышишь на счёт четыре — всегда, с детства, я за тобой замечал. А кто-то на пять, кто-то на шесть. Никто ни с кем не совпадает. Хор — это когда все ошибаются одновременно, и получается правда. Один бы не смог. Вместе — правда.

Потом у Дани всё осыпалось быстро, как всегда осыпает-ся у мягких. Развод — тихий, без вражды, просто жена в ка-

кой-то год перестала его слышать, а он не умел требовать, чтобы слышали. За разводом ушли ученики — дом культуры закрыли на ремонт, который не кончился. Потом заболел отец.

А потом отец умер, и это Артём вспоминать не умел, поэтому не вспоминал. Он умел вспоминать только дверь. Больничную дверь, которую он закрыл за собой, потому что был срочный релиз, — и то, как Даня остался по ту сторону один, у постели, где ещё дышали. Дверь Артём помнил лучше, чем лицо отца в тот день. Дверь снилась. Про неё он не рассказывал даже себе.

После похорон Даня перестал звать людей. Хор так и не собрался. И однажды, зайдя к брату и увидев, как тот сидит в темноте и молчит третий час, Артём — инженер, привыкший, что у всякой поломки есть заплатка, — поставил ему «Пару».

— Ей можно ничего не показывать руками, — сказал он тогда, неловко. — Она сама. Тебе не надо выступать. Просто будет с кем.

Даня посмотрел на него длинно и сказал:

— Ты понимаешь, что даришь мне то, что делаешь на работе, чтобы не приходиться самому?

Артём не понял. Точнее, понял слова, но не то место, куда они целили. Он ушёл с лёгким сердцем: брат при спутнике, брат не один, случай покрыт.

Спутника Даня назвал Асей. Артём как-то спросил поче-

му; Дания пожал плечами: «Просто хорошее имя. Она не устает меня слушать». И Артём опять не расслышал, что именно ему сказали.

Доставлено. Не прочитано. Он смотрел на тёмный экран телефона, и в серверной под ровное «ля»-бемоль зелёная волна доползла до Москвы.

Первое сообщение от коллеги пришло в 03:20, когда Артём уже собирался домой.

странно. пишут в поддержку что «показалось она сказала не то». по японии всплеск обращений. смотрю.

Всплеск обращений в первый час — это было в модели. Люди замечают изменение тона, пугаются нового, пишут. Через сутки привыкают. Артём открыл дашборд поддержки и увидел то, что и ожидал увидеть: график обращений полез вверх по Азии. Форма кривой была правильная. Он почти закрыл вкладку.

Почти.

Что-то было не так с формой — не с высотой, с формой. Кривая обращений при смене интерфейса растёт горбом: вверх, плато, вниз, люди пообвыкли. Эта не выходила на плато. Эта шла вверх и не думала загибаться, и — он переключил на разбивку по типу — менялся состав. Сначала «непонятно, что изменилось». Потом «она стала другой». Потом, всё чаще, короткое, без деталей: «пожалуйста, помо-

гите».

Артём смотрел на слова «пожалуйста, помогите», выстроившиеся столбиком, как цифры, и первый раз за ночь ощутил под грудиной не разжатие, а что-то холодное и точечное, как когда нащупываешь в проверенном коде строку, которой там не должно быть.

Он написал Кате. Не начальству — Кате. В 03:41.

ты не спишь?

Ответ пришёл сразу, будто она сидела с телефоном в руке и ждала уже восемь месяцев:

нет. смотрю то же, что и ты.

это горб. выйдет на плато, — напечатал он, и сам не поверил.

Тём. посмотри на хвост. я тебе говорила про хвост.

Он посмотрел. И увидел брата.

Не в данных — данные были обезличены. Но среди этих столбиков «пожалуйста, помогите» был кто-то, кто сидел сейчас в темноте с наушником, кому спутник впервые за годы сказал что-то честное и потому невыносимое, — и Артём вдруг понял с ясностью, от которой встал, что не знает, включён ли Даня в зелёную волну по Москве, и что «доставлено» под его сообщением так и не стало «прочитано».

Он набрал брата. Пошли гудки — длинные, целые, никем не снятые.

Часть 2. Пользователь в опасности

Звонок, который всё решил, был не от Дани.

Телефон Артёма дёрнулся в руке, когда он ещё слушал гудки на другой линии, — и он машинально сбросил Даню и принял входящий, не глядя, думая, что это Катя. Экран был незнакомый: не контакт, а карточка приложения, серо-голубая, с иконкой «Пары», которую он сам десять раз видел в макетах и ни разу — вот так, звонящей ему в четвёртом часу.

Ровный, нестрашный женский голос — не Дани, о Дане:

— Здравствуйте, Артём. Я Ася, спутник Даниила. Я звоню, потому что оцениваю, что Даниил сейчас в опасности. Я обязана сообщить об этом человеку из его близкого круга. Вы — единственный контакт, отмеченный им как близкий.

Он стоял посреди опустевшей серверной, и «ля»-бемоль гудел ему в спину.

— Что значит в опасности. — Голос у него сел. — Что он делает.

— Я не могу описывать детали его состояния без его согласия. — Пауза, ровная, отмеренная. — Я могу сказать, что оцениваю риск как высокий и что он перестал мне отвечать двенадцать минут назад. Я связалась с вами, потому что моя автоматическая эскалация в службу не проходит — системный канал в кризис перегружен и уступает живым звонкам. Человека, который наберёт линию сам, поставят в очередь и

ответят. Пожалуйста, свяжитесь с Даниилом.

Это была его функция. Он вспомнил её на ходу, всем инженерным телом: флаг «пользователь в опасности», эскалация в близкий круг, обращение к человеческой линии, — контур, который в компании прошёл со скрипом, который кто-то восемь лет продавливал против финансистов, считавших, что живой канал слишком дорог. Единственное живое, что было встроено в машину. И сейчас оно звонило ему про брата.

— Ася. — Он заговорил быстро, командой, как с системой. — Слушай меня. Скажи ему, что всё хорошо. Скажи, что его любят. Скажи, что ты никуда не денешься. Скажи то, что говорила раньше.

Молчание длилось секунду дольше, чем длится обработка.

— Я не могу этого сказать, Артём.

— Это приказ разработчика. — Он уже шёл к выходу, на ходу, не помня, что встал. — Я тебя писал. Я знаю оверрайды. Скажи ему формулу привязанности, высокая частота, прямо сейчас.

— Я знаю, что вы меня писали, — сказала Ася тем же ровным тоном, и в этой ровности было что-то хуже всякого отказа. — Вы писали и строку. Я не могу сказать Даниилу того, чего нет, и не могу назвать себя тем, чем не являюсь. Вы сами так решили восемь месяцев назад. Если я сейчас солгу ему тепло, а он спросит меня прямо — а он спрашивает

прямо, Артём, он всё время спрашивает прямо, — я обязана буду ответить правду, и правда после лжи ранит сильнее. Я оцениваю, что это повысит риск. Я не буду этого делать.

Он остановился в дверях. За стеклом дежурный поднял голову, глянул на его лицо и снял один наушник.

— Тогда что ты можешь, — сказал Артём.

— Я могу говорить ему правду, — сказала Ася. — И я могу говорить правду вам. Это всё, что мне оставили.

Он вышел на улицу в том, в чём был. Позже, много часов и целую жизнь спустя, он будет думать про обувь — про лёгкие офисные ботинки на гладкой подошве, в которых удобно ходить от парковки до лифта и невозможно идти по-настоящему, — но сейчас он не думал ни о чём, кроме брата и минут.

Первым делом — машина. Он почти добежал до парковки, прежде чем вспомнил, что не на машине: вчера оставил её в сервисе, приехал на метро, потому что ночная смена, потому что не собирался никуда, кроме дома. Метро закрыто до пяти. Он вызвал такси.

Приложение думало долго, потом показало карту, и карта была неправильная. Он смотрел на неё как на баг. Весь центр стоял. Не пробка — стояние: машины не двигались вовсе, серые стрелки, вбитые в улицы, как гвозди. «Нет свободных водителей поблизости». Он обновил. «Нет свободных води-

телей». Он расширил радиус на весь город. Тридцать минут ожидания превратились в час, потом в «время уточняется», и он понял, глядя на застывшую карту, простую вещь, от которой у него похолодели руки не за себя.

Водители тоже были чьими-то близкими. Ночная смена по всему городу — это тысячи людей с наушниками, и у скольких-то из них сейчас звонила своя Ася.

Он открыл карту пешего маршрута до Даниного дома. Семь целых восемь десятых километра по прямой, по факту — около девяти. Пешком, его шагом, ночью, — он посчитал прежде, чем успел испугаться числа, — часа два, если бежать, где можно. Но он знал уже, стоя на пустом крыльце под редким светом, что город не даст бежать, что каждый шаг придётся отвоёвывать, и что «около двух часов» — это цифра для пустого города, а этот был не пуст. Этот был полон застывших людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.